

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 73 (4198)

Вторник, 21 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

СЛОВО О БЕЗВЕСТНОМ ТРУБАЧЕ

НА РАССВЕТЕ 22 июня 1941 года, когда первые залпы войны загрохотали над спящей Брестской крепостью, под развалинами казармы 44-го стрелкового полка заживо погребен один из бойцов полкового музыкантского взвода.

Его не задавило, но, замурованный в каменной могиле, он был обречен — под бешеным огнем врага разбить развалины было невозможно. И, наверно, сам он, юноша-музыкант, понял свою судьбу.

И тогда его товарищи, солдаты, укрывшиеся около этих развалин, услышали, как оттуда, из-под камней, зазвучала полковая труба. Сквозь грохот вырывов приглушенно, но отчетливо доносилась до них знакомая мелодия:

«Это есть наш последний и решительный бой...»

Те, кто слышал эту подземную песню трубы, говорят, что в ней не было ни тоски, ни горечи прощания с жизнью. Она раздавалась как призыв и заветное о мести, она была как последний мужественный привет друзьям по оружию. Она звучала опять и опять, пока снаряды и бомбы снова не обрушились на эти развалины...

Кто был он, этот безвестный трубочник Брестской крепости? Мы не знаем и, вероятно, не узнаем никогда. А ведь где-то — то ли в новом городском доме, то ли в русской избе, то ли в украинской или белорусской хатке, то ли в горской сакле — до сих пор со стены смотрит его молодое лицо на пожелтевшей фотографии. Только как узнать, в каком это доме, как среди миллионов таких давних фотографий угадать ту, на которой изображен именно он, наш трубочник?

Мы были с ним людьми одного поколения, сынами одной эпохи, трудной и славной. В то первое утро войны, в последнее утро своей жизни, он был моим сверстником, может быть, даже ровесником. Но с тех пор мы, живые, прожили

«СЪЕЗД БУДЕТ НАШИМ ПРАЗДНИКОМ»

Беседа с председателем оргкомитета Союза художников РСФСР В. А. СЕРОВЫМ

СЕГОДНЯ в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открывается Первый съезд художников Российской Федерации. Какая подготовительная работа предшествовала ему, о чем пойдет разговор на съезде? С этими вопросами корреспондент «Литературной газеты» обратился к председателю оргкомитета Союза художников РСФСР Владимиру Александровичу Серову.

— За два с половиной года существования организационного комитета, — сказал В. Серов, — молодой творческий союз художников России вырос в очень солидную и крепкую организацию. Назову такие цифры: союз насчитывает сейчас в своих рядах 5335 человек, и на первый съезд съехались 483 делегата, которые представляют шестидесять одно отделение. Это не только многочисленный, но, по-моему, и очень крепкий творческий коллектив. Единство, монолитность союза особенно ярко проявилась в организации выставки «Советская Россия». Эта выставка, встретившая большое признание у любителей изобразительного искусства нашей страны, и была, собственно, задумана как платформа для еще большего сплочения творческих рядов художников Советской России. Выставка очень наглядно показала, что главное место в творчестве художников Российской Федерации занимают темы нашей замечательной современности, что плодотворный метод социалистического реализма успешно развивается нашими художниками. Выставка выдвинула в ряд мастеров много молодых живописцев, графиков, скульпторов. Всем нам очень радостно, что ее посетил руководитель партии и правительства.

Нельзя не упомянуть еще и о таком важном этапе в подготовке к съезду, как прошедшая недавно неделя изобразительного искусства Российской Федерации. Она убедительно показала, насколько велик интерес у народа к творчеству своих художников, подождала много новых конкретных форм ознакомления широких масс с достижениями современного изобразительного искусства.

Стоит также отметить хорошее начало работы нашего молодого издательства «Художник РСФСР», усилия которого в пропаганде изобразительного искусства трудно переоценить, и особенно журнала «Художник». К сожалению, мы еще не можем полностью удовлетворить спрос на наш журнал.

Теперь собственно о съезде. На его повестке стоят два вопроса: обсуждение доклада «Жизнь народа — источник творчества советских художников» и выборы руководящих органов союза.

Трудно предвосхитить сейчас, какие проблемы будут подняты в дни съезда, — это покажут прения. Но я уверен, что работа будет содержательной, плодотворной. Думается, что на нашем первом съезде разговор пойдет главным образом о путях искусства социалистического реализма, о партийности в изобразительном искусстве, о современной художественной форме, новаторстве и т. п.

Мировое изобразительное искусство расколосилось на два противостоящих лагеря. Буржуазное искусство подошло к своему логическому концу — совершенно явному вырождению, которое особенно проявляется в современном абстракционизме. Но буржуазная идеология в искусстве не хочет сдавать своих позиций, цепляется за них и даже пытается иногда совершать диверсии в нашем лагере. Вероятно, и эти вопросы найдут отражение на съезде.

Съезд, который открывается сегодня в Кремле, будет большим праздником для художников Российской Федерации, несомненно, явится важным событием в культурной жизни страны.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

С. С. СМРНОВ

Почти двадцать лет, а он остался молодым и теперь годится нам в сыновья.

В дни нашей с ним юности мы с завистью оглядывались назад, на героические дни революции и гражданской войны, и с затаненной тревогой всматривались вперед, в наше будущее, омраченное тенью надвигающейся опасности. Мы пели тогда наш гимн чуть иначе, слегка меняя его слова:

«Это будет последний и решительный бой...»

Мы знали, что он будет, что нам не миновать его. И мы верили, что он будет последним.

Трубочка играла на полковых смотроках, на парадах, на торжественных вечерах, и под его дыханье труба ясно выговаривала эти тревожные и бесстрашные, полные долга слова:

«Это будет последний...»

Этот бой настал, и трубочка пал в нем одним из первых. И когда из каменной могилы он в последний раз заиграл нам гимн, напев трубы принес с собой уже иные, не те, что прежде, слова:

«Это есть наш последний...»

Он не заглох под камнями крепости, этот напев трубы. Его как бы подхватывала вся страна — в тот день во всех ее уголках полные возмущения и гнева люди, собравшись на митинги, пели:

«Это есть наш последний...»

Потом мы пели это под Москвой и в Сталинграде, на Буге и на Днепре, на Дунае и на Шпрее, в партизанских лесах и в фашистских лагерях смерти. Мы пели это в памятный день нашей Победы, в сумасшедшей радости пали в свободное голубое небо, трогаясь истратить оставшиеся патроны, которые — мы верили — уже никогда не понадобятся человеку против человека, не пригодятся ни нам, ни нашим детям. И хотя мы не знали тогда о безвестном трубочнике Брестской крепости, он был с нами, как и все, кого уже не было, в тот день, первый день мира и светлых надежд.

И вот прошлы годы. Поросли травой крепостные развалины, где под камнями, быть может, до сих пор лежат кости трубочника рядом со смятой, ржавой трубой. Встали новые города, села, заводы, первые ракетные корабли унеслись за пределы планеты. С новым упорством строят люди свое земное хозяйство, и новые поколения берут в свои руки жизнь.

Но опять, как встарь, вост над землей недобрый ветер, опять с торжой и тревогой смотрят вперед люди мира и труда. Неужели он ошибся, безвестный трубочник Брестской крепости? Неужели это не был последний?

Нет, этого не должно случиться! Разум и сердце, опыт и вера человека — все востает против этого. Сейчас иные времена, иные силы мира. Ведь недаром все шире и свободней, как отзвук той военной трубы, раздается по земле знакомый напев:

«Это есть наш последний...»

Он волюнтарично звучит на просторах наших братских стран, ему вторит шаг демонстрантов на улицах Парижа и Нью-Йорка, он грозно гремит сегодня на улицах Токио, у стен осажденного народом парламента.

Мир борется, мир побеждает и победит. И когда наступит день его победы

победы и в маршах начнут оплывать, превращаясь в мирную сталь, железные ступени навсегда мертвой войны, люди, наверно, прежде всего будут ставить памятники павшим за мир героям. Пусть тогда на развалинах Брестской крепости, среди старых ее кирпичей цвета застывшей крови, на том месте, где была казарма 44-го стрелкового полка, создадут памятник безвестному трубочнику.

Мне почему-то представляется, что автором этого памятника станет совсем молодой скульптор и что дома у него на стене под стеклом будет висеть старый, пожелтевший портрет молодого солдата — его отца, не вернувшегося с войны. И сам памятник, высеченный из белого мрамора, будет изображать такого же молодого солдата.

Вырываюсь из белой глыбы, в последнем усилии он подпер широкими плечами тяжелый каменный свод. А в его руке — прижатая к губам, поднятая вверх трубочка.

И такой выразительной силы будет полна фигура бойца, таким будет его лицо, что при взгляде на него каждый сразу поймет, что играет трубочку. Властью искусства художник заставит зазвучать в ушах зрителя знакомый напев, приносящий с собой знакомые слова. Но слова эти будут уже иными:

«Это будет наш последний...»

Во имя отцовных жизней, во имя прошлой крови, пережитых страданий и бед, во имя прошлого и во имя будущего ДА БУДЕТ ТАК!

ЗАСЕДАЮЩИЙ ПРОСИТ ПОЩАДЫ

НЕДАВНО в Свердловске мне довелось поспирить на ночлег в «Большой Урал» — крупнейшую гостиницу города.

Администратор встретила меня категоричным вопросом:

— Вы по какому списку? Сварщик, глухонемых или медик?

— Не понимаю вас...

— Короче, вы на какое совещание?

— Я не на совещание... Просто в командировку.

У нас в гостинице места только по списку. Для делегатов.

— А быть может, все-таки завтра что-нибудь освободится?

— Я же вам сказала, у нас только для делегатов... На два месяца вперед все места расписаны по совещаниям.

Я с тоской оглядел огромный гостиничный вестибюль. У столиков шла бойкая регистрация медиков, сварщиков, лесников, кооператоров, делегатов еще каких-то слетов, совещаний и конференций.

И надо же было мне приехать в Свердловск именно в тот момент, когда здесь, видимо, по случайному стечению обстоятельств проводилось одновременно несколько областных совещаний!

— Замучили нас эти заседатели, — пожаловался руководитель гостиницы. — Только за последнюю неделю тыщета делегатов! А гостиница наша, за вычетом всего на шестистот мест расписана. Беда с этими совещаниями, просто беда! Уральский Дом техники заседает. Работники профсоюза торговли заседает. Общество глухонемых заседает. Сварщики, животноводы, пишевики, учителя и опять же совнархозовцы — заседает. Вот, можете полобпытствовать — список. В январе проживало две тысячи двести заседателей, в феврале столько же, а в марте и апреле и того больше. Короче говоря, за четыре с половиной месяца пропустили мы двенадцать тысяч делегатов более ста различных областных совещаний!

Перенесем тогда, может быть, встречу на завтра?

— Это, пожалуй, будет лучше. Только одну минутку — погляжу, что там у меня на завтра запланировано... Так, так... Значит, в десять совещание у главного инженера... Сессия райсовета... Уральская конференция по сварке... Вот если бы вы смогли прийти на эту конференцию. Там в перерыве и поговорим... На следующий день на конференции сварщиков я разыскал конструктора.

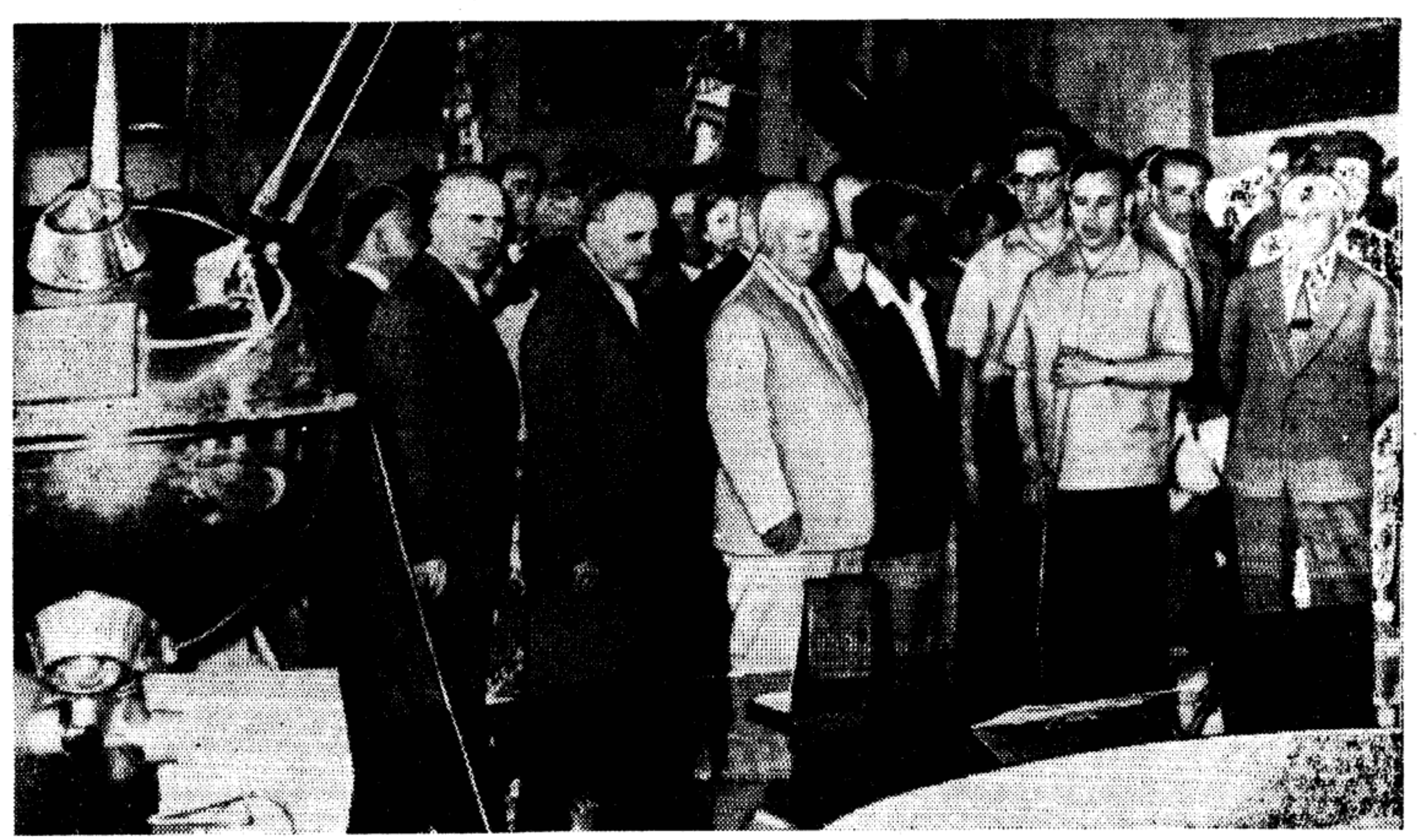
— Пойдемте отсюда! — с нескрываемым раздражением сказал Георгий Лукин, и когда мы выбрались из переполненного зала, добавил: — Вот вы, корреспондент, взяли бы да написали об этом.

— О чем?

— О бесконечных совещаниях! Извините за грубое слово, о болтовне нашей!

Конструктор был настроен воинственно. Он говорил горячо и взволнованно. Чувствовалось, вопрос этот наболел и давно не давал покоя.

— Понимаете, какая штука, — начал Георгий Лукин. — Не так мы все это делаем, не так! Не разумно! Взять, к примеру, эту же конференцию по сварке. Дело, безусловно, важное, и разговор о нем нужен. А вот такой ли разговор нужен, — я не уверен. Ведь что получается? Собрали со всего Ура-

19 июня в Бухаресте состоялось торжественное открытие советской выставки. На церемонии открытия выставки присутствовала делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым, руководящие деятели Румынской рабочей партии и правительства РНР, руководители братских партий стран социалистического лагеря. Фото Аджепресс. (Снимок принят по фототелеграфу ТАСС)

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

ВОЛНУЮЩИЕ дни переживает моя родина. Взоры всего народа обращены к Бухаресту, где в новом зале съездов начал свою работу III съезд Румынской рабочей партии.

С энтузиазмом встретила страна это историческое событие. Оно приобрело тем большее значение, что на съезд прибыли делегации коммунистических и рабочих партий всех континентов, делегация славной КПСС во главе с неутомимым борцом за мир во всем мире Никитой Сергеевичем Хрущевым.

...Я вижу в зале моих собратьев — крупнейших писателей Румынии во главе с М. Бенюком, первым секретарем правления Союза писателей Румынской Народной Республики, ученых, деятелей культуры, прославленных переводчиков промышленности и сельского хозяйства.

Вот юный Герой Социалистического Труда сталевар Стефан Кришша из Хунедоары. Лишь недавно он рассказывал мне, как благодарен он сталеварам завода «Запорожсталь», у которых четыре месяца учился новейшим методам работы... Вчера металлурги Хунедоары, коммунисты которой, послали на съезд своим делегатом Стефана Кришшу, рапортовали партии, что план первого полугодия выполнен на 13 дней раньше срока.

Впрочем, все газеты претят в эти дни такими рапортами. Они начинаются словами: «С радостью сообщаем любимой партии, что все обязательства полностью выполнены».

Среди участников съезда я вижу и другого Героя Социалистического Труда — Илью Трандафиреску, посланника тракторостроителей города Сталина. Я не раз писал о нем и хорошо знаю этого скромного труженика — одного из тех, кто создал первый румынский трактор. Сейчас согласно проекту директив III съезда тракторный завод имени Э. Тельмана, на котором работает делегат И. Трандафиреску, должен дать до 1965 года 100 тысяч мощных тракторов!.

В зале торжественная тишина... Взоры всех обращены к сцене, где видны огромные портреты великих учителей мирового пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина...

III съезд РРП открыт. Первый секретарь ЦК РРП тов. Георгий Георгиу-Деж представил делегатам, всей стране отчет ЦК партии, проект перспективного народнохозяйственного плана на 15 лет и плана развития народного хозяйства на 1960—1965 годы, величественную программу завершения строительства социализма на земле Румынии. Мы счастливы быть свидетелями работы съезда, о котором наш крупнейший поэт Михай Бенюк сказал: — Это съезд лучших представителей трудящихся нашей страны, тех, кто мобилирует творческие силы народа, кто построит наше будущее — коммунизм!

БУХАРЕСТ, 20 июня. (По телефону).

Хараламб ЗИНКЭ, румынский писатель

ла, со всей страны специалисты по сварке, оторвали от работы уйму людей и читают им доклады. А польза? Польза для дела какова? Я бы, например, отпечатал бы эти самые доклады и разослал их сварщикам — пусть знакомятся, читают, кому интересно. А еще лучше, отобрал бы несколько сварщиков и послал их по заводам, пусть непосредственно на производстве делится передовым опытом. А здесь разговоры много, а пользы для дела, конечно, скажем, мало...

И заседание-то мы по-человечески не научились Любе, даже самое маленькое совещание организовывать надо разумно. Человек должен заранее получить доклад, заранее знать, о чем будет идти речь на совещании, и придумать туда со своим обдуманным мнением. Тогда люди не будут повторять, пересказывать общезвестные истины. Не ущемим мы еще так работать. Болтаем, и страшно подумать, сколько еще драгоценного рабочего времени мы гробим! Вы, наверно, обратили внимание, как точно мы всегда оповещаем людей о времени начала того или иного собрания? А вот сколько оно продлится, когда кончится, мы почему-то не объявляем. Стесняемся! Нет у нас еще настоящей культуры в этом деле, нет!

А ведь можно засесть и коротко, и с пользой для дела...

В связи с этим Георгий Лукин вспомнил заседание Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники.

— Нам предстояло обсудить около ста пятидесяти научных трудов. Работа большая. Но уже вначале Александр Николаевич Несмеянов попросил всех отказаться от ненужной болтовни и по каждой работе требовал только конкретные замечания или возражения. И всю работу, которая при заседаниях по обычным рецептам отняла бы у нас несколько месяцев, мы завершили за шестнадцать часов.

— Судя по всему, у вас к совещаниям особое отношение, — заметил я. — Они, видимо, нам изрядно мешают?

— Мешают?! — грустно усмехнулся конструктор. — Нет, мой друг, это не то слово. Терзают! Жить не дают!.. Хотите на чистоту?

— Конечно.

— Хорошо. Чем, вы полагаете, заполнена трудовая неделя главного конструктора? Любая на этот вопрос ответит: конечно, конструированием, расчетами... Ничего подобного! Совещаниями! А теперь давайте считать. Четыре часа в неделю отнимает у меня всякая «оперативка» по качеству. Еще четыре часа еженедельно оперативка у директора и столько же еженедельное совещание у главного инженера

(Окончание на 2-й стр.)

ростроителей города Сталина. Я не раз писал о нем и хорошо знаю этого скромного труженика — одного из тех, кто создал первый румынский трактор. Сейчас согласно проекту директив III съезда тракторный завод имени Э. Тельмана, на котором работает делегат И. Трандафиреску, должен дать до 1965 года 100 тысяч мощных тракторов!.

В зале торжественная тишина... Взоры всех обращены к сцене, где видны огромные портреты великих учителей мирового пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина...

III съезд РРП открыт. Первый секретарь ЦК РРП тов. Георгий Георгиу-Деж представил делегатам, всей стране отчет ЦК партии, проект перспективного народнохозяйственного плана на 15 лет и плана развития народного хозяйства на 1960—1965 годы, величественную программу завершения строительства социализма на земле Румынии. Мы счастливы быть свидетелями работы съезда, о котором наш крупнейший поэт Михай Бенюк сказал: — Это съезд лучших представителей трудящихся нашей страны, тех, кто мобилирует творческие силы народа, кто построит наше будущее — коммунизм!

БУХАРЕСТ, 20 июня. (По телефону).

Хараламб ЗИНКЭ, румынский писатель

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

ВЧЕРА советская столица радушно встретила высокого гостя — Президента Республики Индия доктора Раджендра Прада, прибывшего в СССР с визитом доброй воли.

Доктор Раджендра Прад — один из ветеранов национально-освободительного движения Индии.

С 1917 г. Р. Прад является одним из ближайших сподвижников Махатмы Ганди. Никакие преследования колониальных властей не помешали доктору Раджендру Праду находиться в самой гуще острой политической борьбы Индии в годы японского владычества. Раджендра Прад становится одним из руководящих деятелей партии Индийский национальный конгресс.

Советским людям известна и многогранная неустанный деятельность доктора Прада после завоевания Индией независимости. 26 января 1950 года он был избран временным Президентом, а 6 мая 1952 года — Президентом Республики Индия.

Раджендра Прада знают в СССР как государственного деятеля, который неоднократно выступал за укрепление видо-советского сотрудничества, высоко оценивая усилия Советского правительства, направленные на разрядку международной напряженности и сохранение мира во всем мире.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ТВАРДОВСКОГО А. Т. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и отмечая выдающуюся заслугу в развитии советской литературы, наградить писателя Твардовского Александра Трифоновича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, Кремль 20 июня 1960 г.

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ — 50 ЛЕТ

Дорогой Александр Трифонович! Правление Союза писателей СССР в день Вашего пятидесятилетия горячо приветствует и сердечно поздравляет Вас — крупнейшего русского поэта, выдающегося мастера советской поэзии, славного и яркого представителя литературы социалистического реализма.

Миллионы читателей в нашей стране и за рубежом знают и любят Вас — страстного выразителя вдохновенных стремлений и дум советских людей, строящих коммунизм, истинно народного певца, чей блестящий самобытный талант целиком отдал служению Советской Родине, ее трудам и борьбе за счастье всего человечества.

Крово связано все Ваше творчество с жизнью родного народа, и как у подлинно большого художника, живая современность, кипучий мир народных дел и свершений всегда служат основой Ваших замечательных произведений. Бурный рост освободившего революцией человека труда, величавые социалистические преобразования в советской деревне воплотились в чудесных Ваших стихах «Сельская хроника» и поэме «Страна Муравия». Богатырский подвиг советского народа, кровью и ратным трудом отстаивающего мир от фашистского порабощения, с

огромной силой запечатлен в великолепной «книге про бойца» — «Василий Теркин» и в поэме «Дом у дороги». Победоносный созидательный труд советских людей в послевоенное время, новые большие перемены в жизни народа и новые горизонты на пути его движения к коммунизму волнующе отразились в последнем Вашем произведении эпического размаха и лирического напряжения — поэме «За далью — даль».

Ярко национальный поэт, Вы с особой чуткостью и умением рисуете в своих образах и героях неистощимое жизнелюбие и оптимизм русского советского человека, все лучшие черты его национального характера, обогащенные советской идейностью, чувством советского, социалистического гуманизма, интернациональной солидарности со всеми народами.

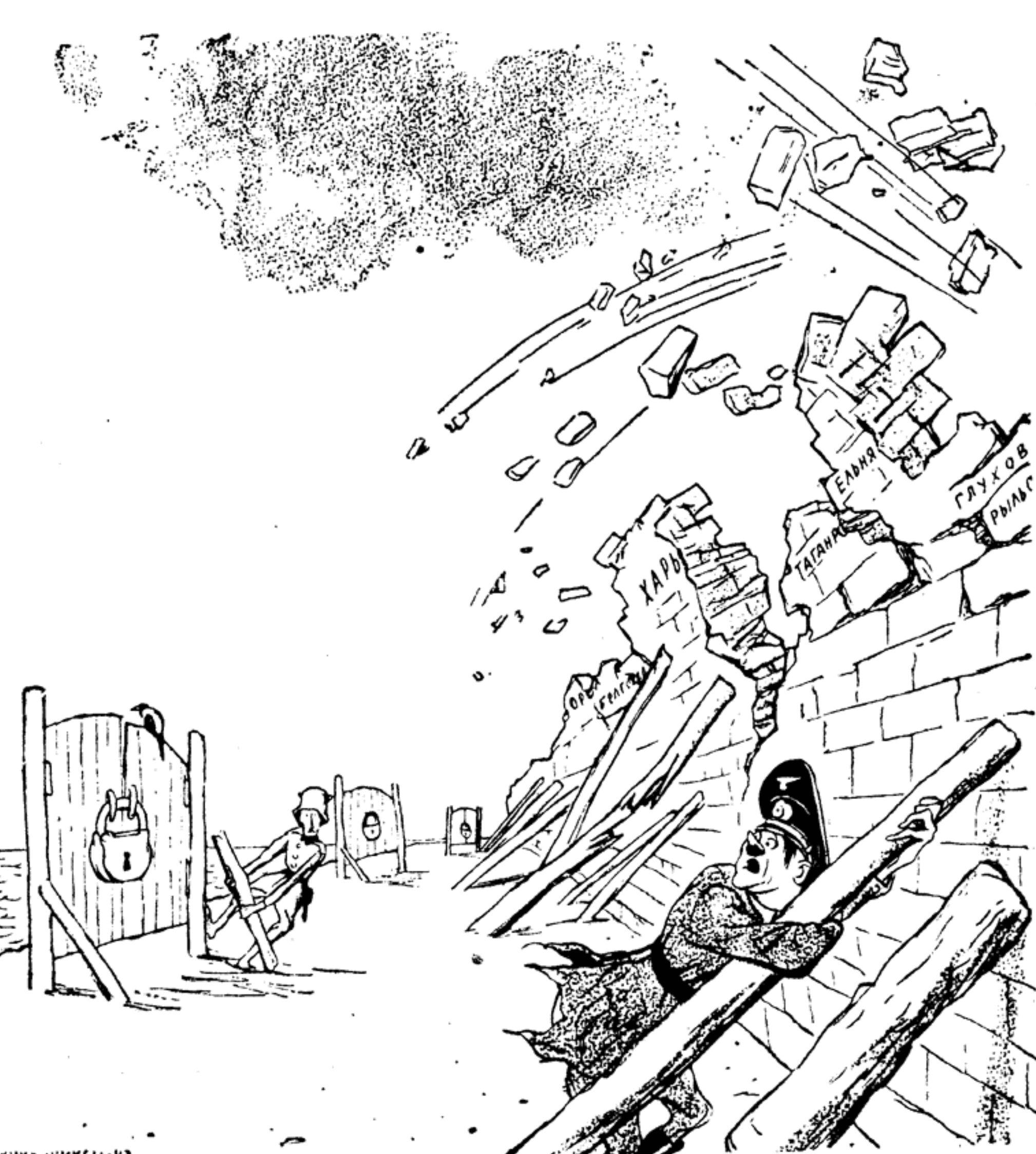
Ваше творчество, пронизанное духом и плотью народной жизни, — живой пример новаторского продолжения и развития высоких художественных традиций русской классической поэзии. Вы один из тех замечательных современных мастеров слова, что в наше время стоят на уровне лучших идеальных раздумий и художественного совершенства, собственных классической русской литературе. Ваши поэмы, содержащие глубокие художественные обобщения событий и явлений нашей

действительности, Ваш чеканный, прозрачно ясный стих, впитанный искрометное богатство русского народного языка, — образец законченного мастерства и неповторимого художественного своеобразия.

Ваше имя крупнейшего русского советского поэта-коммуниста особенно уважаемо и потому, что творческую работу Вы сочетаете с широкой государственной и общественной деятельностью как депутат Верховного Совета РСФСР, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Новый мир», член правления Союза писателей Российской Федерации. Собственным примером мастерского творчества, высоким художественным требованием к себе и собирая по перу, посвещенной работой с молодыми литераторами Вы активно способствуете важнейшему делу роста и воспитания писательских кадров.

Славное свое пятидесятилетие Вы встречаете в полном расцвете своего таланта, его поэтической и гражданской зрелости. Мы гордимся, Александр Трифонович, что Вы — наш современник, горячо обнимаем Вас, наш дорогой соратник и друг, и от всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых, еще больших творческих побед и свершений на благо нашей родной советской литературе!

РИСУНКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Гитлер: Давай скорей сюда западных подполки, они там не нужны.
Художники Курьянские. (Карикатура печатается впервые)

Сегодня
Александру Твардовскому
исполняется 50 лет

О ЛЮБИМОМ ПОЭТЕ

Исполнилось 50 лет со дня рождения Александра Твардовского — самого крупного, самого талантливого нашего поэта.

И в этот день мне вместе с его читателями и друзьями хочется крепко-крепко пожать ему руку и дружески душевно поздравить не только с этой датой, но и с теми большими успехами его поэзии, с которыми он пришел к ней, к этой своей дате.

А. Т. Твардовский как-то сказал, что одним из признаков настоящего хорошего поэта является то, что эти стихи представляют интерес не для какого-либо узкого круга любителей поэзии, а их читают, ими интересуются, их любят и все те люди, которые стихов обычно не читают.

В этом высказывании заключена очень большая правда. И этой правде следует прежде всего сам А. Твардовский. Именно он в наши дни создал такую поэзию — поэзию, полную глубокого интереса и смысла для миллионов советских людей. Он в этом отношении сделал много больше и много лучше, чем кто-либо из нас, его современников.

А. Твардовский обладает удивительным, я бы сказал, завидным даром разговаривать со своим читателем. Поэтический текст А. Твардовского течет очень свободно, очень естественно, без всякого нажима. Она лишена той внешней поэтической условности (или даже вычурности), которая у некоторых поэтов превращает стихи в нечто надуманное, ненастоящее, нарочитое, в нечто такое, чему плохо верится и что плохо принимается. В то же время речь А. Твардовского на редкость точна, красочна, глубока и поэтична в самом высоком смысле. И не удивительно, что

С ЕГОДНЯ исполняется 50 лет для рождения нашего современника — поэта А. Т. Твардовского.

«Ради жизни на земле»

Александру Трифоновичу, как это можно заключить из всего им написанного, вряд ли должны быть по душе юбилейные славословия.

Свое отношение к жизни и литературе он лучше всего выразил во вступлении — или в присказке — к «Василию Теркину»:

А всего много плуше
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сушей.
Правда, прямо в душу бьющей.
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Но и эти простые и простые слова прозвучали бы в устах Твардовского слишком патетично, если бы им не предшествовали строчки о самых основных на свете, самых насущных вещах.

На войне, в пыли походной,
В жилах зной и в холода,
Лучше нет простой природой —
Из колоды, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда,
Лучше нет воды колодной,
Лишь вода была б вода.

О том, что значит для бойца свежая вода и добрая, горячая пища, достаточно красноречиво сказано в первых строках поэмы. Но и этого для фронтальной жизни еще мало.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без хлеба.

С веселой шуткой, прибауткой и поговоркой (а все это досталось в дар поэту очень рано, чуть ли не в колыхание) легче говорить острее, «прямо в душу бьющую» правду. Но для этого нужна еще и смелость. Смолоду Твардовский берет за самые сложные и ответственные темы. Он всегда «на переднем крае». В двадцатичетырехлетнем возрасте он начал, а к двадцати шести годам закончил большую поэму о бурном, еще совсем недавнем времени, когда в стране рвалась судьба крестьянства, его будущий строй и уклад.

Автор не смягчил, не сгладил той ожесточенной — не на жизнь, а на смерть — борьбы, которой шла в деревне, не преуменил сил и страстной убежденности ни одной из спорящих

С. МАРШАК

Глазами своего героя, страстно влюбленного в поисках сказочной «страны Муравьи» по необъятным просторам родной земли, он долго и пылливо, по-хозяйски всматривается во все, что еще сохранилось от старого и что возникает вновь.

И оттого так убедительно звучат строки, определяющие исход борьбы, которая идет вокруг и в душе героя поэм: Никиты Моргушка.

Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?
Так вот, даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет...
— А там?
— А там — на десять лет.
— А там?
— А там — навечно...

Все эта поэма лирична, как поэма. То и дело по пути, как бы сам собою, отыгрывается перед нами чистый и свежий пейзаж.

Далеко стихнуло село,
И кнут стелется в руке.
И синевой заволочено,
Замглилось валежко,
И ракидало конский хвост
Внезапным ветерком.
И глухо, как огромный мост,
Простукал гася гром.
И дождь поспешный, молодой
Закапал неполод,
Заклапало ливнем,
Землей, как год назад...

Но несмотря на все эти лирические отступления, которые итуют поэму Твардовского, как дождевые капли, ее читаешь с тем простым и жадным интересом, какой возбуждает в нас хорошая, толковая проза.

К ОГДА-ТО — во время Пушкина, Лермонтова — поэзия была чтением и не уступала этого своего права прозе. Стихи Некрасова в журналах привлекали читателей не меньше, чем повести и романы Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевского. Но зато в последующие годы даже лучшие наши поэты не могли соперничать с виднейшими прозаиками своего времени. Поэзия перестала быть емкой и утлой, как проза.

А с каким аппетитом читают и перечитывают у нас в народе страницы «Василия Теркина»! Не многие авторы повестей и романов запечатлели так смело, правдиво и полно последнюю войну с ее буднями, боями, переправами, лютыми холодами («Золотой волнистый жемчуг...»), как это удалось Твардовскому в его «книжке про бойца».

Каждая строка ее говорит о том, что автор сам побывал в гуще, в пекле войны и пережил вместе с нашей армией гнетущую тоску отступления («Что там, где она, Россия, по какой рубеж своей...») и радость трудно доставшихся побед.

Однако жизнь на фронте, несмотря на ее немалые тяготы и неотступную близость смерти, — все-таки жизнь. Да еще какая широкая, многообразная, многоголосая, особенно тогда, когда воюет не только армия, а весь народ.

В передышках между боями люди поют и мечтают под гармонь, парятся в бане, лихо отплясывают на морозе, шутят, смеются. Не случайно главным героем поэмы оказался балагур и гармонист Василий Теркин, о котором автор говорит:

Парень в этом роде
В каждой ротке есть всегда,
Да и в каждом взводе.
Глубокой, подлинной человечностью проникнута поэма о самой кровавой и беспощадной из бывших до сих пор войн.

Чего стоить рассказ о том, как тайком, ночью возвращается в родную хату солдат, пробираясь с лучковой шарашей из окружения. На одну только ночь вернулся домой хозяин, да и той не доспал.

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть,
— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить...
Тюк да тюк. До света рубит,
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь...
Любовь, щедрой любви к жизни, к людям в этой военной поэме не меньше, чем нехватки к врагу, посягнувшему на мирное счастье людей. Недаром же как основной мотив звучат в ней четкие и торжественные слова:

Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

НЕ ВСЕ поэты вовремя достигают зрелости. Многие из них, оставив далеко позади юношеский возраст, все еще ходят в «начинающих».

Твардовского мы начинающим не назовем. Взрослым человеком с немалым жизненным опытом и зрелым чувством ответственности вошел он смолдоу в литературу.

Может быть, этому способствовало его деревенское прошлое. В деревне семилетний паренек — уже не дитя.

С каждым годом мужал его стих, все значительней и ответственней становились его темы.

Но, может быть, никогда еще голос поэта не звучал так твердо и уверенно, как в его последней книге «За далью — даль».

Эта поэма сродни всем его прежним лирическим стихам и поэмам. В ней та же сосредоточенная вдумчивость, та же кредельная меткость слова, тот же умный и тонкий юмор.

Сюжета, фабулы здесь, пожалуй, еще меньше, чем в «Теркине». Сущность поэмы кратко и точно выражена ее заглавием — «За далью — даль».

Даль открывалась и в «Муравьи», где в телеге колесил по родной стране Никиты Моргушко. Бесконечная даль была и перед Василием Теркиным, когда он пробирался на фронт из окружения — с запада на восток, — а потом двигался в ридях армии с востока на запад.

А теперь в пути сам автор. Не глазами своих героев, а собственными глазами видит он огромную страну, пересекая великий Московский канал и от Урала — через всю Сибирь — до Владивостока.

В поэме слышится на этот раз не характерная, бытовая речь, а подлинный голос самого поэта. Его наблюдениями и раздумьями наполнены страницы.

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хантит эти полки,
Еще москвичей стук жаль,
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью.
И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье, Предуралие,
Взойдет отлого на Урал,
Урал, чьей выработкой сталью
Зенит под нами магистраль...
А за Байкалом —
Забайкалье,
А там еще другая даль...

Для автора поэмы путешествие по этому бурно оживающему, встающему из небытия краю, который еще так недавно считался «краем земли», — и радость, и серьезное дело, работа.

Мне этим летом было надо
Застать в разгаре жданый день,
Когда Ангарского каскала
Припела новая ступень.
И стрелкам времени навстречу
Я устремился к Ангаре,
В Москве оставив поздний вечер
И братск улавив на заре.
И под крутой скалой Пуреем,
Как у Иркутска на мосту,
В чистле потных ротоэв
В тот день маячил на посту.

Нет, не «почетным ротоэвом», а хозяйным и участником великих работ вглядывался поэт в новые для него места, упрекая себя за то, что поздно их увидел, и давая совет молодым:

...И пусть виски мои седые
При встрече вилят этот край...
Но вы глядите, молодые,
Не прогаляйте незваный
Свой край, далекий или близкий,
Свое призвание, свой уют,
Изда-за московской ли прописки
Или иных каких помех...

Н О О КНИГЕ «За далью — даль» — самой зрелой и самой сложной из всех поэм Твардовского, следует поговорить особо и в другой раз.

Пока же мы можем только пожелать новой встречи с поэтом, который так счастливо ознаменовал свое пятидесятилетие завершением большого и славного труда.

Фото М. Трахмана

В ровень с временем

Алексей СУРКОВ

ЭТО не критическая статья и не литературное исследование. Это слово товарищеского приветия и искреннего уважения великодушному поэтическому дару современника, которому выпало высокое счастье запечатлеть в своих поэмах и стихах, в своей полной поэтической ясности и лаконичности прозе зримые черты нашего неповторимого времени.

Рассказывая читателям о том, как он работал над своей поэмой «Василий Теркин», Твардовский писал:

«Не эта война, какая бы она ни была... породила этих людей, а то больше, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаружила, выдала в ярком виде на свет эти качества людей».

«Задача — проникнуть в их духовный внутренний мир, почувствовать их как свое поколение (писатель — ровесник любому поколению)...»

Перечитывая все написанное Александром Твардовским — от первых его стихов и поэм, предшествовавших «Стране Муравьи», и первой его поэмы «Дневник председателя колхоза» до завершающих глав послевоенной поэмы «За далью — даль», — находишь тысячи подтверждений глубокой правоты мысли о том, что «писатель — ровесник любому поколению».

Уже в первой своей большой поэме Александр Твардовский предстал перед читателем не только как носитель яркого природного таланта, но и как мастер, с достоинством продолжающий демократические традиции русской классической поэзии.

Подобно Михаилу Шолохову, создавшему в те незабываемые годы первую книгу своего романа «Поднятая целина», Твардовский явил читателя в гудящий, как развороненный улей, мир деревенской жизни эпохи коллективизации, ликвидации кулачества, эпохи, на долгие десятилетия определившей будущее нашей страны.

Уже «Страна Муравьи» раскрыла те новые возможности, которые таит в себе жанр поэмы и которые впоследствии с таким блеском открылись в поэмах «Василий Теркин» и «За далью — даль».

Органическое сочетание присущей поэме повествовательности, событийности, жанровых картин быта со свободными переходами к лирическому отступлению, расщепляющей рассказ искрометной шутке («случаю»), удачно введенной в ткань произведения мудрой народной посылочке и собственному авторскому афоризму, становящемуся в ровень с посылочкой и поговоркой, — все это объединяет написанные Твардовским большие произведения в ясное единое целое и в сочетании с лирикой, заполняющей временные интервалы между датами публикации поэм, дает яркую, динамическую картину жизни советского общества за последние тридцать лет.

В ЛИТЕРАТУРНЫХ спорах по словесности лет, да и более раннего времени много копий поломано вокруг «современной темы».

Тихоходы от литературы, чаще всего живущие чуть-чуть в стороне от столбовой дороги исторического движения народа, стараются и старались свою прирожденную медлительность и тяжеلودушность оправдать ссылками на необходимость подождать, когда все уляжется, все образуется, когда между художником и событием возникнет «респективное пространство».

Нетерпеливые поспешатели, пользующиеся медлительностью своих коллег тихоходов для заполнения литературными скороспелками образовавшейся тематической пустоты, оправдывают литературные грехи и огрехи своих тождественных расхождений на «тематическую актуальность».

Наряду с самыми сильными, самыми времяустойчивыми произведениями нашей советской литературы, поэмы и лучшие лирические стихи Александра Твардовского в одинаковой мере опровергают как доводы тихоходов, так и шумные претензии испепеленных творцов литературных скороспелок.

В год своего пятидесятилетия Александр Твардовский опубликовал три заключительные главы, завершив десятилетний труд над поэмой «За далью — даль».

В этой своей поэме, о которой еще не начались большие творческий разговор в нашей литературной среде, Александр Твардовский вновь и вновь утвердил и подтвердил свою волю и свое право идти в поэзии в ровень с временем, не прибегая к стиху и образу до мелкострачного псевдоактуальности.

Поэма «За далью — даль» для послевоенной действительности нашей страны такая же выразительная поэтическая веха, какой были для времен коллективизации «Страна Муравьи», а для времени Великой Отечественной войны — «Василий Теркин».

Следя за эволюцией художественных образов этих трех произведений, мы видим, как рос и самоопределялся, как работал, боролся и самоутверждался в истории XX века наш современник, советский человек. Вначале он предстает перед нами в образе Никиты Моргушка, взмывшего туман «муравьиной» иллюзии и причалившего к колхозному берегу новой жизни. В «Василии Теркине» герой поэмы, может быть, сын, а может быть, младший брат Моргушка, русский советский солдат Василий Теркин уже предстает перед читателем как окончательно сформировавшийся характер человека новой, советской действительности, как ее творец и беззаветный защитник. И, наконец, в «За далью — даль», где нет сквозного эпического героя, где в качестве героя, движущего развитие рассказа, выступает сама действительность во всей своей многообразности и многогеройности, где события и герои, как основа — уток, объединяет лирический герой — автор, мы видим нового человека нового времени не только во всеорной осознания силы и правоты своего исторического подвига, но и стремительной динамике развития всей жизни в будущее, в завтрашний день, когда, подобно освоению целинных, непочатых богатств Советского Востока, идет освоение еще неизведанных человеческим неисчерпаемых богатств нового общественного строя.

Всеми своими поэмами Твардовский твердо и непреклонно утвердил свое право и способность идти в ровень с временем, не боясь загляда в будущее.

П ОЧТИ все критики и исследователи творчества Твардовского сходятся на том, что начиная со «Страны Муравьи» определилась полнота поэтической и духовной зрелости писателя, очертился круг его беспорных поэтических достоинств.

Это верно и неверно. Действительно, Твардовский от поэмы к поэме, как бы ни разнообразны были их фабулы, сюжетные, жанровые особенности, продолжает быть таким же простым и ясным в своем органически народном языке и изобразительных средствах, как в своей первой поэме. Действительно, во всех своих поэмах и во многих лирических стихах Твардовский устойчиво и с успехом пользуется возможностями своего общирного знакомства с устной народной поэзией, с прекрасными примерами поэтического опыта предшественников, главным образом Некрасова и Пушкина. И во многих других отношениях творческие возможности Твардовского отстоялись и выкристаллизовались. Но если бы на самом деле процесс кристаллизации закончился, это обозначало бы остановку в развитии поэта.

Внимательно следуя за эволюцией творчества Твардовского с тех пор, как мне в руки попала его юношеская поэма «Вступление». До того как в послевоенные годы начали публиковаться первые главы «За далью — даль», меня вбивало и беспокойно известное добровольное замкание большого и оригинального поэта в мире по преимуществу деревенских образов и героев, преобладание в инструментарию поэта арсенала деревенских народно-поэтических образов. Ожидалось и хотелось, чтобы Твардовский перешагнул эту грань и прорвался в мир неограниченных возможностей нашего времени.

В двадцатые годы 1941 года я, в третий раз попортившись с родными, ехал из Внукова в Москву, за назначением на фронт.

Был яркий и знойный день. На широкой площадке перед Киевским вокзалом стояли колонны насоро обмундированных солдатских и плакали женщины, провожавшие сыновей, мужей и женков на подвиг ратный.

От станции метро по направлению к вокзалу шли двое одетых в военное обмундирование молодых мужчин. Один — рослый, широкоплечий блондин, другой — жухлый брюнет, невысокий, плотный, с выбивающимися из-под фуражки непокорными кудрями. В высоком я узнал моего вывужского соседа Александра Твардовского. Его спутник был мой друг, поэт Джек Алтауэн, которого через год раздала немецкий танк где-то на Харьковщине. Я хотел остано-

вить их и попрощаться, но оба они быстро затерялись в толле шумной пригородной площади. В тот же день и Твардовский, и Алтауэн уехали на юго-западное направление фронта, уже грохотавшие громами танковых боев.

И до войны, и в годы войны я многократно встречался с Твардовским. Но эта встреча начальных дней навсегда запечатлелась в моей памяти. Высокий голубоглазый блондин, размахистой поступью идущий сквозь толпу будущих теркиных навстречу своей крылатой судьбе, навстречу трагической и победной судьбе своей великой Родины.

И вот сейчас Твардовскому исполнилось пятьдесят лет. На литературных юбилеях принято говорить, что пятьдесят лет это не старость, а золотая пора зрелости души и таланта. Устами бы этих юбилейных ораторов да мед пусть зная на своем опыте всю условность этого юбилейных штампов и стандартов, честно иронизируют над ними, я все же должен сказать, что, как показывает первое тридцатипятилетие литературной работы Александра Твардовского, он и впрямь к своему пятидесятилетию пришел под знаком действительной зрелости своей души и под знаком молодой, неутомимой, пылливой дерзости своего большого и многогранного таланта.

И пусть близжайшие годы и десятилетия будут для него годами неутомимой, вечной «езды в незнаемое».

И пусть сбудется перед лицом всего, что ожидает наш народ на его победном пути к коммунизму, то, о чем писал поэт в одной из самых сильных и современных глав своей поэмы «За далью — даль»:

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоём.
За новым трудным перевалом —
Вдохнуть
С тобою заодно
И дальше в путь —
Большим вль мадам,
Ах, самым малым —
Все равно:
Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною слейди,
И обретай в пути, и ведай
За далью — даль!

Учительница подняла над головою раскрытую книгу и сказала:

— А это Чапаев, легендарный герой гражданской войны. Слышали о нем?

— Слышали, — дружно ответила класс. И вслед за тем раздался тоненький голосок:

— Только он не совсем похож... — Как не совсем похож? — не поняла учительница.

— На Чапаева.

Пауза. Спокойный голос учительницы:

— Нет, Петя, ты не прав. Это фотография. И Чапаев здесь такой, каким был на самом деле.

— А я видел настоящего Чапаева... — Ну, это ты уже выдумываешь.

— Нет, видел. Живого. Честное слово! В кино!

Я вспоминаю об этом эпизоде потому, что мы говорим сейчас о портрете Василия Теркина. Мы прекрасно помним маленького Петю. Ведь и всем нам по сей день кажется, что Чапаев Бабочкина — это «самый настоящий» Чапаев. И Петра Первого мы себе представляем только таким, каким увидели его в кино в исполнении Н. Симонова. И точно так же врезался в память портрет Василия Теркина, написанный Орестом Верейским.

Родственник Теркина

Учительница подняла над головою раскрытую книгу и сказала:

— А это Чапаев, легендарный герой гражданской войны. Слышали о нем?

— Слышали, — дружно ответила класс. И вслед за тем раздался тоненький голосок:

— Только он не совсем похож... — Как не совсем похож? — не поняла учительница.

— На Чапаева.

Пауза. Спокойный голос учительницы:

— Нет, Петя, ты не прав. Это фотография. И Чапаев здесь такой, каким был на самом деле.

— А я видел настоящего Чапаева... — Ну, это ты уже выдумываешь.

— Нет, видел. Живого. Честное слово! В кино!

Я вспоминаю об этом эпизоде потому, что мы говорим сейчас о портрете Василия Теркина. Мы прекрасно помним маленького Петю. Ведь и всем нам по сей день кажется, что Чапаев Бабочкина — это «самый настоящий» Чапаев. И Петра Первого мы себе представляем только таким, каким увидели его в кино в исполнении Н. Симонова. И точно так же врезался в память портрет Василия Теркина, написанный Орестом Верейским.

Вот он — на обложке книги. Плотка набекрень, шинель, свернутая и переброшенная через плечо, винтовка, кисть, тот самый, который надо так беречь... Пока пальцы ловко сворачивают самокрутку, Теркин поднимает вдуру голову, и тогда мы видим его улыбающееся лицо, простое и милое лицо русского солдата, чуть приподнятые уголки губ и лукавство в хитринной глазе. И становится ясно, что как раз сейчас он и начнет свой очередной веселый рассказ...

Их было много на фронте. И у нас в полку тоже был свой Вася Теркин, хотя звали его Витей Антиповым и родом он был не из-под Смоленска, а из какой-то приволжской деревушки. И казалось нам тогда, что и внешне он похож на того Теркина, о котором читали в фронтовой газете. А потом увидели портрет, нарисованный Верейским, и сразу поняли: нет, только этот и есть настоящий Теркин...

Мы говорили об этом с лувовским поэтом Василием Ивановичем Готовым, сидя в его кабинете и рассматривая фотографии военных лет. На фотографии три офицера: майор Василий Иванович Готов, в центре — подполковник, в котором я легко узнаю Александра Трифоновича Твардовского, справа — капитан Орест Георгиевич Верейский. И все трое,

оказавшись, имеют отношение к Василию Теркину.

— Нет, нет, я имею только самое далекое отношение, торопливо говорит Василий Иванович, — самое отдаленное... — Да, да, конечно, — соглашаясь я, — но aspects читателя нашей газеты, наверное, интересно узнать, что художник рисовал своего Теркина с натуры и что вы являетесь, так сказать, его прототипом.

Как известно, «Василий Теркин» родился на страницах фронтовой газеты «Красноармейская правда», где с начала войны работал А. Твардовский. Там же появились и первые иллюстрации к нему О. Верейского. Вот только написать портрет героя художнику долго не удавалось. Правда, было множество вариантов, но ни один из них не устраивал ни художника, ни поэта.

В армейской газете этого же фронта работал В. Готов, часто бывавший в редакции «Красноармейской правды». Однажды Верейский предложил Готову позировать: «Получите же портрет с фронта».

Увидев этот рисунок и художника, Твардовский очень обрадовался: именно таким он представлял себе своего героя.

«Многие из старых рисунков выбрасывали или переделывали», — пишет он, — а твой портрет остается».

На полке у Василия Ивановича несколько изданий «Василия Теркина», но боржо всею для него издана карманного формата, выпущенная в 1944 году в Смоленске. На титульном листе его прочесть: «Василию Готову, близкому родственнику Василия Теркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне».

А Твардовский, 1945 год, Замок Тиллинген, Восточная Пруссия. «Близкий родственник» не забывает Василия Теркина и его фронтовых друзей. Героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны, мирные будни советских воинов — по-прежнему основная тема творчества поэта Василия Готова.

К. ГРИГОРЬЕВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Рисунок художника О. Верейского

ПЕНТАГОН НЕРВНИЧАЕТ

ВОЛНУЮЩАЯ победа японского народа, заставившего правительство Киси отменить визит Эйзенхауэра в Японию, повергла реакционные круги Америки в глубокое уныние и обрала для миролюбивых сил нашей страны. Некоторым американцам жаль Эйзенхауэра, как человека, но они ничуть не сердятся на японцев. Посуду слышится одно: «Что ж, разве можно их осуждать за то, что они не хотят наших баз? Что же касается самого Эйзенхауэра, то смутные догадки о том, что он является чисто номинальным руководителем, теперь высказываются решительно и открыто».

Карл МАРЗАНИ, американский писатель

Сочувствие к японскому народу глубоко и искренно. Но еще важнее, нежели это понимание настроений японцев, следует признать растущее сознание того, что катастрофа, постигшая американскую внешнюю политику, непосредственно связана с инцидентом с самолетом «У-2». Даже газеты вынуждены без смущения с этим согласиться. «Нью-Йорк таймс» поместила статью весьма консервативного комментатора Артура Крока, который высказывает на этот счет с полной определенностью. Крок рассказывает о своем разговоре с высокопоставленным японским государственным деятелем, сторонником Киси. Этот японец заявил, что «в результате эпизода с самолетом «У-2» американско-японский договор неизбежно должен был явиться поводом для восстания, которое подвергло бы президента физической опасности в случае его визита в Японию». Он считает, указывает Крок, что инцидент с «У-2» нанес сокрушительный удар по правительству Киси и его проамериканской политике...».

Последствия вызывающего поведения Пентагона в связи с инцидентом с «У-2» становятся ныне очевидными даже для наиболее реакционно настроенных американцев. И это только начало. Уже сейчас открыто высказывается опасение, что вся система американских баз в иностранных государствах может рухнуть и что японские события вызовут цепную реакцию в Турции, Исландии, Юж-

ной Корее и в конце концов в Западной Европе. «Уолл-стрит джорнэл» почти так дословно и пишет в пространной статье, озаглавленной «Распадающиеся союзы». Подзаголовок к этой статье гласит: «Волнения в Турции, Исландии». Газета цитирует некоего высокопоставленного чиновника Пентагона, который заявил: «Мы попросту не можем больше полагаться на все эти базы за границей».

Пытаться найти хоть что-нибудь утешительное в этой мрачной картине, газета сообщает, что Эйзенхауэру оказывает нажим на Филиппины. Президент, указывая в статье, «довольно решительно» говорил о совместных действиях в случае войны и о возможности того, что американские базы на Филиппинских островах будут снабжены ракетами с ядерными боеголовками. Это сообщение полностью разоблачает лицемерие тех, кто называл поездку Эйзенхауэра «миссией доброй воли».

«Уолл-стрит джорнэл» далее с полной откровенностью обсуждает дилемму, перед которой оступилась Америка: полагаться ли на таких людей, как Ли Сын Ман, — вплоть до использования американской морской пехоты ради поддержки существующих правительств, идя тем самым на риск вызвать в конце концов грандиозный взрыв, или же избавиться от диспансов, мандересов и прочих, воспользовавшись этим как предостережением кланом. Однако второй курс поощряет сопротивление, и, как указывает вашигтонский обозреватель цитируемой газеты, «говорят, что это может привести к открытому неповиновению правительству или даже к их свержению». С глубоким унынием «Уолл-стрит джорнэл» пишет: «Противоречивые указания Вашингтона по поводу инцидента с «У-2», уныние, пережитое американской прессой с провалом советских глав правительств в Париже, и нынешняя неудавшаяся поездка Эйзенхауэра в Японию, по мнению некоторых высокопоставленных государственных деятелей, создали у многих иностранцев впечатление, что Америка совершенно бессильна».

Но то, что вызывает отчаяние «Уолл-стрит джорнэл», только радует прогрессивных людей во всем мире. НЬЮ-ЙорК, 20 июня. (По телеграфу)

БАРАБАН ЗВУЧИТ УНЫЛО...

ПОЗВЧЕРА Би-би-си передала по своим радиостанциям унылым барабанным бой нового «чемпиона», который долбил своими палочками несколько десятков часов без перерыва. Диктор в самом серьезном тоне комментировал эти грохот: он-де поднимает престиж Британии, возмущает ее.

Что это — шутка или глупость? Увы, это стало методом. Барабанный грохот — ныне единственная надежда пропаганды, отчаянно пытающейся «спасти престиж» Запада после катастрофы на Дальнем Востоке. Но — все дело портят комментарии. Вот один из последних образчиков такого рода:

«19 июня президент Эйзенхауэра приземлился в Южной Корее, где его ожидал дружественный прием со стороны населения страны, благодарной Америке за оказанную помощь... Это были самые внушительные торжества за всю шестидесятилетнюю историю города... Это был момент триумфа для Эйзенхауэра перед конгом его президентства...» (барабанный бой агентства Ассошиэйтед Пресс).

Через полчаса после прибытия президента в посольство США его секретаря по вопросам печати Джеймса Харгери заявил корреспондентам: «Прем был действительно «грандиозным»... Он (президент) надеется, что во время своего (17) на его пути никто серьезно не пострадал (1)». Машине президента был нанесен некоторый ущерб — одно зеркало было совершенно разбито, а другое сильно погнуто (1)!. Решение изменить заранее избранный путь, по которому должен был следовать президент, было принято по совету секретной полиции и секретной службы» (комментарии агентства Рейтер).

Понистие слогосшибательная встреча... Барабанный бой западной пропаганды призван заглушить звуки уныния, вопли отчаяния. «Для американских военачальников в Пирл-Харборе и вокруг него это было мрачное утро», — сообщает агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл после аннулирования Японией визита Эйзенхауэра. «Никакая формула не сможет разяснить бедствий, обрушившихся на позиции Соединенных Штатов во всем мире за последние месяцы», — грустит корреспондент «Нью-Йорк таймс» Гамилтон. «Японскому коммунизму», — неистовствует итальянская «Кутюддиано», — удалось поставить на колени правительство Токио». В связи с этим английская газета «Гардиан» дает добрый совет Киси: «Согласно самурайскому кодексу ему бы следовало совершить тарарики». И так далее, и тому подобное. Не удивительно, что, по сообщению таежного треста Скриппс-Говарда из Вашингтона, «никогда еще со времени событий в Пирл-Харборе, 7 декабря 1941 года, в столице страны не наблюдалось такого губокого уныния».

Каждое слово, позавчера появившаяся повод для восторгов: Би-би-си удалось протолкнуть через парламент позорный военный договор с Америкой. Однако, если верить газете «Нью-Йорк таймс» от 19 июня, госдепартамент и министерство обороны США «без ликования приветствовали сегодня автоматическую ратификацию в Японии американско-японского договора безопасности». Почему это вдруг? Оказывается, ратификация еще не все. Во-первых, прежде чем договор сможет вступить в силу, необходимо осуществить некоторые формальные процедуры. Кто знает, сойдут ли они гладко в нынешних условиях? А во-вторых, — и это главное, — японский народ не намерен останавливаться на полпути. Вот почему барабанный бой по радио звучит так уныло...

Солдаты американской морской пехоты разгоняют жителей острова Окинава, которые в день приезда Эйзенхауэра вышли протестовать против появления незнамого гостя.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ — МОРЕ МИРА

Заметил писателя
Генрикс ЗИМАНАС

Но шила в мешке не утаишь! Скоро выяснилось, что Оберлендер готовит путч, целью которого было отторжение Клайпеды и Клайпедский край от Литвы. Оберлендер вел переговоры с лугжистами, инструктировал их. Путч сорвался, но гитлеровцы наггели все больше. При попустительстве империалистов Запада, а также литовского фашистского правительства гитлеровцы захватили Клайпеду. Почему гитлеровцы так рвались в Клайпеду, зачем понадобился им этот единственный порт Литвы? Они вели психологическую подготовку дальнейших захватов, подготовку плацдарма для войны против Советского Союза. Вот почему смирились с этим актом агрессии тогдашние правители Англии, Франции, Америки — Гитлер, мол, рвется на Восток, не надо мешать ему. Вот почему смирились с этим и фашистские правители Литвы.

С ужасом вспоминает народ о днях гитлеровского владычества. В небольшом городке Прекуле на окраине посетители показывают тяжелые железные кольца в ветвях дубов — здесь гитлеровцы вешали людей. За короткий срок Клайпедский край был разграблен. Все здоровых мужчин угнали на фронт... Тяжело было литовцу в Германии, — рассказывает Юргиняйтис. — За человека не считали. «Имудские свиньи» — вот как называли нас. А теперь мне снова к ним возвращаться? Нег уж...

После изгнания гитлеровцев Клайпеды и Клайпедский край представляли собой пустыню. За годы Советской власти новое утро заналось над Балтикой. Были созданы все условия для того, чтобы насыльно угнанные гитлеровскими войсками при желании могли вернуться домой. В Клайпеду приехали и новые люди — из других районов Литовского Союза. В братской семье строят они новую социалистическую Клайпеду.

СОВЕТСКУЮ КЛАЙПЕДУ трудно даже сравнить с бывшей Клайпедой, а еще меньше — с немецким Мемелем. Вот только некоторые факты. 4 лучших рыболовецких траулера выловили за 1959 год по 10 тысяч центнеров рыбы, то есть столько же, сколько вылавливалось за целый год во времена буржуазной власти по всей Литве. Клайпедские рыбаки ловят рыбу в Балтике и в Северном море, в Северной Атлантике и у берегов Навады. В минувшем году они дали стране миллион центнеров рыбы. Клайпедка стала крупным промышленным и культурным городом, важнейшим портом, куда заходят суда многих стран мира.

Итак же, как никогда не потечет обратно Нямунас из Куршского залива, так нет возврата и к старой, захолустной Клайпедке, влачищей жалкое существование в составе Германской империи. И это относится не только к Клайпедке.

Чего же хотят реваншисты? Понимают ли они, что нет больше возврата к прошлому? Понимают ли, что мирные народы Прибалтики никогда не отдадут социалистическим завоеваниям, не пустят вновь на свою землю тех, кто столетиями угнетал их. Но разве можно подходить к обычной мерой к таким людям, как лалач и убийца Оберлендер, как его соратники: военные преступники Рейнфардт, Глобе и другие.

Реваншисты стремятся разжечь в немецком народе ненависть против стран социализма. Они пытаются помешать распространению идей мира и мирного соуществования государств с различными социальными системами, сохранить «холодную войну». Это нужно им, чтобы легче было осуществлять свои грязные цели и в самой Западной Германии.

Народы Прибалтики не боятся угрозы реваншистов. Конечно, это не значит, что не надо вести борьбы. Человек не боится бешеной собаки, но он принимает меры, чтобы она была обезврежена. «Мы знаем», — говорил Никита Сергеевич Хрущев в своей речи в Реймсе, — что сейчас в Западной Германии снова возрождаются реваншистские силы. Это нас не может не беспокоить.

Балтийское море должно быть и будет морем мира. Но для этого мы все должны усилить борьбу против реваншизма в Западной Германии, этого выражения агрессии немецкого империализма.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛЖОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

В ОДИН прекрасный день по дорогам, ведущим к небольшому голландскому городку Маленте, уступил поток «Несилье», «опелли», «мерседесы», «форд». В них восседали солидные, самодовольные господа, преимущественно среднего и пожилого возраста. У входа в здание, где был назначен сбор, их любезно встречали устроители готовящегося собрания и с почтительными улыбками провожали на место. Господа разминались, осматривались. Рукопожатия, объятия, неизбежные «А помните?.. А знаешь?..». Встреча добрых старых друзей!..

Но картина перестала выглядеть удивительной, как только на трибуну взобрался первый оратор. Пора уточнить: в это курортное место съехались не врачивнобологи или члены одного из многочисленных в Германии фрейеров на свое очередное заседание. В Маленте собрались люди, грудь которых увенана фашистскими орденами, а совесть отягощена тысячами загубленных человеческих жизней, — ветераны войск СС. Это был своеобразный интернационал убийц, ибо, кроме 500 с лишком немецких эсэсовцев, здесь присутствовали 26 бывших голландских и четверо датских военнослужащих эсэсовских дивизий. К лавкам подиума собравшихся приколоты шелковые ленточки с изображением черного германского креста, завовавшего жуткую известность во всех странах: его изображение было на башнях гитлеровских танков и фюзеляжах самолетов.

Одним из первых выступил представитель «союза ветеранов войск СС» звали Шлезинг-Гольштерн. Вилли Шерфер. Под аплодисменты присутствовавших он заявил, что в скором времени Федеративная Республика произойдет слияние различных объединений бывших военнослужащих в единый «германский солдатский союз». Сюда войдут «объединения ветеранов СС» (40 тысяч членов), «союз «Кифхольдербунд» (100 тысяч членов) и 1030 (1) других объединений немецких солдат, имеющих в своих рядах семизначное число участников. «Лишь когда мы все объединимся, — в упоении вещал Шерфер, — мы сможем, наконец, заставить умолкнуть дешевых крикунов». Надо отдать должное герру Шерферу — опыт в этом отношении у эсэсовцев предостаточный: они заставили умолкнуть не один миллион людей в душегубках Майденка и Освенцима, в застенках Моабита и Принца-Альбрехтстрассе.

Вилли Шерфер и другие ораторы говорили о перспективах, о «планах на будущее», «анализировали» современность, «критиковали» уроки прошлого. «Дей бог, — заявил Шерфер, — чтобы войска НАТО в час испытания зарекомендовали себя так же, как в свое время это сделали войска СС».

В майские дни нынешнего года, дни пятнадцатилетия капитуляции фашистской Германии, происходило немало подобных встреч бывших гитлеровских головорезов. 22 мая около тысячи западногерманских эсэсовцев съехались в городок Итцхо, тоже в Шлезинге. Слет начался «по-боевому»: 15 фашистов набросились на кинооператора студии ДЕФА Эссэсовцы окружили оператора и его 18-летнего ассистента, и кинематограф, в то время как его молодички стали дышать репертура. Гитлеровцы избили ассистента так, что он остался лежать на земле. Подоспевшая полиция арестовала... избитых кинематографиков.

Ревом: «Хох!» «Хейль!» и бурными овациями был встречен собравшимися «любеимец СС» бывший командир «Лейбштандарта Адольф Гитлер» генерал СС Залп Дитрих, старший уполномоченный, которого в свое время сажали за решетку за соучастие в убийстве. Выступавших было много; всевозможные деятели и представители политических партий один за другим поднимались на помост и заворачивали собравшихся в своих горячих чувствах к эсэсовцам. «Германская имперская партия гордится вами», — высокопарно заявил депутат Курцгер руководитель ХИАГ (сокращенное название «союза ветеранов СС») генералу Хауссеру и полковнику Рудло.

На сборище в Итцхо раздавались угрозы не только по адресу прогрессивных демократических деятелей и сторонников мира. Федеральный представитель «союза эсэсовцев» генерал Курт Мейер, по прозвищу «Панцермейер», то есть «танкист», обрушился даже на западногерманскую радиостанцию «Свободный Берлин» и монашеский еженедельник «Равно». Они, видите ли, не всегда восторгаются бонскими потому их корреспонденты «заслуживают» такого же обращения, как и операторы ДЕФА. Попутно он оправдывал действия эсэсовских убийц во Франции, уничтоживших население и города Орадура. Фашистская накипь пузурится на западе Германии. «Слеты», «встречи», «вечера воспоминаний» проводятся часто, назойливо, нагло. Никакого фашистские выкорыщения не помешали бы поднять свой голос, если бы не чувствовали за своей спиной полной поддержки со стороны бонского государства и его руководителей. Д. БЕНЕСЛАВСКИЙ

Коричневая накипь

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте».

Нынешние организаторы фашистских оргий и погромов забыли, видно, уроки истории. Этот снимок, изображающий советского солдата перед поверженным в прах гитлеровским орденом в Берлине, может напомнить, чем кончались неоднократные попытки империалистиче и в еских кищников организовать победное шествие на Восток: полным разгромом агрессоров.

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте».

Район, где находилась лодка, был известен. Подозвонив гидрофику, я тут же распорядился приготовить к выходу в море на помощь «шнуке» два эскадренных миноносца и направить к ней с позиций другие лодки. В первую очередь — «К-22» под командованием капитана 2 ранга Котельникова, которая находилась ближе всех к месту аварии. Такое же приказание было передано еще двум «катошам», а в адрес Видяева и Кольшикина послан ответ: «К вам вышел Котельников».

Лока последний разыскал «Щ-421». Прошло немало времени: около суток! За это время лодка, конечно, переместилась. По инициативе командира дивизиона Кольшикина, который был обеспечивающим в первом под командованием Видяева походе. Нет, капитан 3 ранга Видяев показал себя настоящим советским командиром: он покинул «Щ-421» позже всех, вместе с Кольшикиным, но после него.

В дневнике у меня история с видяевской «шучкой» записана на основании докладов трех командиров: самого Видяева, затем Кольшикина и Котельникова, который вовремя подоспел на помощь товарищам. «Щ-421» подорвалась на mine в момент всплытия. Перед тем она удачно атаковала конвой противника, торпедировала и потопила вражеский транспорт. Умело уклоняясь от преследования охранных кораблей, Видяев взял направление в открытое море, чтобы там перезарядить торпедные аппараты и зарядить аккумуляторные батареи. Лодка шла на глубине шестидесяти метров и уже начала всплытие, когда под кормой раздался взрыв. Заборная вода стала быстро заполнять седьмой отсеk.

В этот критический момент полное самообладание проявили командир и инженер-механик: они продули все системы и тем дали возможность лодке медленно всплыть. Весма ласты прилежно снейжый заряд, в котором очутились всплывшая лодка: это на какое-то время избавляло ее от преследования и скрывало от огня противника. Осмотр определил катастрофическое положение «Щ-421». Взрывом изуродовало корму, оторвало винты, деформировало и разорвало кормовую переборку. Хотя поступление заборной воды в седьмом отсеке удалось прекратить усилиями личного состава но лодка оказалась без хода. Выбыва из строя и ракета, поврежденная взрывом. Все таки радист, старшина Рыбин, сумел передать единственную короткую радиопрограмму о происшедшем, составленную по всем правилам кодирования: «Подорвался на mine, хода не имею».